

Где растёт тростник болотный, или О подоплеках поэтической фактографии

Во втором томе академического Полного собрания сочинений А. С. Пушкина 1937–1959 гг. основной текст стихотворения «Аквилон» напечатан с ошибкой: в стихе «Тростник болотный долу клонишь...» на месте слова «болотный» стоит прилагательное «прибрежный» (II, 365). В таком виде стих не фигурирует ни в одном из известных рукописных и печатных источников текста. В разделе «Другие редакции и варианты», где напечатана «первоначальная редакция перебеленного текста» по автографу¹, корректный вариант сохранился (II, 910): получилось, будто на некоем этапе создания или публикации стих подвергся авторской правке. В указанном виде основной текст произведения вошел во все, за единственным исключением, собрания сочинений Пушкина, изданные после 1947 г.²

Этой оплошности, по-видимому, способствовала недостаточная, с точки зрения современного читателя, маркированность утраченного определения, которое кажется сюжетно, семантически и поэтически нейтральным. По сути, оно просто указывает на природный феномен. Тростник может расти и на болотах, и по берегам рек; соответственно, ошибка, в результате которой один локус подменяется другим, не бросается в глаза. Справедливо ли думать, однако, что определение было выбрано поэтом произвольно, и можно ли отследить его источники?

¹ РО ИРЛИ, ф. 244, оп. 1, ед. хр. 126.

² Подробнее см.: *Бодрова А. С.* Из разысканий вокруг пушкинского «Аквилона» // Пушкинские чтения в Тарту 5: Пушкинская эпоха и русский литературный канон: К 85-летию Л. И. Вольперт: В 2 ч. Тарту, 2011. Ч. 1. С. 98–99.

Образ тростника, колеблемого бурей (метафора слабости и уязвимости) в русской поэзии XVIII — первой трети XIX в. встречается часто — так же, как и актуальная для «Аквилона» басенная дихотомия «дерева» и «трости». В подобных случаях авторы, как правило, отдают предпочтение сюжетно мотивированным характерологическим эпитетам: трость «слабая» («Его сиятельству графу Григорью Григорьевичу Орлову генваря 25 дня 1771» В. П. Петрова, 1771), «трепещущая», «уклончивая» («Дуб и трость» Я. Б. Княжнина, 1787), «гибкая», «униженная» («Ответ Рафаэла певцу Фелицы» В. В. Капниста, 1789), «смиренна» («Гимн богу» Ф. И. Ленкевича, 1807)¹. Национальный корпус русского языка фиксирует лишь два случая использования определения «болотный» применительно к тростнику в поэтических текстах до Пушкина. Первый — 6-я глава поэмы С. С. Боброва «Херсонида, или Картина лучшего летнего дня в Херсонисе Таврическом» (1798–1804), посвященная описанию грозы. Буйство стихий осмысляется здесь как явление божьего гнева. Пространное поэтическое повествование включает в себя, среди прочего, образ камыша, трепещущего и «звнящего» в минуты безмолвия перед бурей, а также значимую и для пушкинского «Аквилона» дихотомию поверженной гордости и удостоенного пощады смирения («Нет, паче громовым ударом / Ты отсекаешь гордый дуб, / Чем нежный и смиренный мирт»²). «Болотный тростник» вписан в картину умиротворенной природы, оживающей после грозы. Образ не имеет специальных символических коннотаций: это натуралистическая деталь, которыми изобилует поэма Боброва:

Колико ни был страшен ветер,
Но он развеял мглу густую;
А сила тонкого эфира,
Столь часто рассекая твердь,
Сожгла глетворные пары,
Что расстилались над горами,
Над блатным тростником зловонным
И над *Сивашскими* водами.
Теперь стал воздух чище, — легче,
И возвратилась тишина...³

Второй случай — стихотворение А. П. Бенитцкого (1780–1809) «Развалины»⁴. Руины когда-то величественного строения свидетельствуют о мощи времени, которое обращает в прах все человеческие деяния. Буря

---

¹ Примеры см.: Национальный корпус русского языка — <http://ruscorpora.ru/search-poetic.html>

² Бобров С. С. Рассвет полночи. Херсонида: В 2 т. М., 2008. Т. 2. С. 202.

³ Там же. С. 219.

⁴ Впервые опубл.: Журнал российской словесности. 1805. № 7. С. 141.

грозит довершить разрушение; она сотрясает деревья, волнует облако и гнет тростник, символизирующий слабость брэнного человеческого мира:

Уже, внимая глас сей грозный,
Текущий со хребта холмов,
Шумит, клонясь, тростник болотный
Во глубине окружных рвов.¹

К моменту написания «Аквилона» Пушкин хорошо знал поэму Боброва²; неизвестно, попадалось ли ему на глаза стихотворение Бенитцкого, но это не исключено. Вместе с тем мотивные переклички с «Аквилоном» ограничиваются в обоих случаях «общими местами». Это не позволяет отнести упомянутые произведения к числу претекстов пушкинского стихотворения и, соответственно, усматривать в определении «болотный» прямое заимствование из одного из них. В данном случае следует, видимо, говорить не об источниках, но скорее о гипотетическом контексте, способном ассоциативно стимулировать или подтвердить пушкинский выбор. Этот контекст, однако, не единственный.

Фигурирующий в «Аквилоне» образ тростника исторически восходит к библейской и античной традициям³. Первая не проясняет вопроса о происхождении выбранного Пушкиным определения: и в функции аллегории, и в качестве природного феномена тростник здесь обнаруживает лишь свою «водную» природу (см., например: 3 Цар 14: 15; Ис. 19: 6). Более широкий спектр примеров предоставляет античная литература. Словосочетание «*canna palustris*» («тростник болотный»)⁴ встречается у Овидия в «Метаморфозах» (Met., IV, 297–299), в описании чистого источника нимфы Салмакиды («...videt hic stagnum lucentis ad imum / usque solum lymphae; non illic canna palustris / nec steriles ulvae nec acuta cuspidе iunci...») («...здесь он видит озеро светлое до самого дна лишь с одной водой; там нет тростника болотного, или бесплодной осоки, или острых копьев озерного ситника» — *лат.*) «*Canna palustris*» в данном случае — название растения. Правда, в позднейшей литературе оно может приобретать и более серьезную семантическую и символическую нагруженность. Так, Эмма-

¹ Поэты-радищевцы. Л., 1979. С. 408. (Б-ка поэта. Большая сер.)

² См., например: Бобров С. С. Рассвет полночи. Херсониды. Т. 2. С. 536–537; 547–548, 552, 557 (примеч. В. Л. Коровина).

³ Подробнее см.: Кардаш Е. В. Стихотворение Пушкина «Аквилон»: К вопросу об историко-литературном контексте // Временник Пушкинской комиссии. СПб., 2016. Вып. 32. С. 180–181.

⁴ Во французских переводах XVIII — начала XIX в., актуальных для рассматриваемой темы, *canna* могло трактоваться как «камыш», «тростник» или даже как цветок или цветущее растение, встречающееся в заболоченных местах (см. ниже).

нуил Сведенборг (Swedenborg, 1688–1772) в труде «Христианская религиозная вера» («*Vera christiana religio*», 1771) использует словосочетание «*cannae palustres*» в высказывании, воспроизводящем библейскую аллегорию духовной слабости и неустойчивости — см. во французском переводе конца XVIII в.: «...ces hommes ne peuvent ressembler qu'à des roseaux de marais agités par le vent» («...этих людей можно уподобить не чему иному, как тростникам болотным, колеблемым ветром» — *фр.*)¹. Упоминание болота, зыбкой почвы, обусловлено проблематикой текста: автор говорит о людях, чьи благие намерения не находят действенного воплощения, то есть не имеют прочной материальной, «телесной» опоры. Вероятнее всего, Сведенборг позаимствовал упомянутое словосочетание именно у Овидия: в Вульгате в соответствующих аллегориях для наименования «трости» используются слово «*harundo*» (3 Reg. 14: 15; Matt. 11: 7)². То есть библейская и античная традиции, к которым восходит занимающий нас образ, в данном случае контаминируются.

Сомнительно, впрочем, что эти тексты непосредственно обусловили появление «тростника болотного» в «Аквилоне». Пушкин никогда внимательно не штудировал Сведенборга; что же касается «Метаморфоз», то во французских переводах Ж.-Ж. Лефрана де Помпьяна (*Le Franc de Pompignan*, 1709–1784) и Сент-Анжа (*Saint-Ange* (наст. имя: Анж Франсуа де Фарю (*Fariau*), 1747–1810), в значительной степени определивших пушкинское читательское восприятие поэмы Овидия, «болото» в цитированном фрагменте даже не упоминается (см. у Помпьяна: «...rien n'en troublait la pureté; il n'y avoit ni joncs, ni roseau, ni algues...» («...ничто не замутняло его чистоту; там не было ни ситника, ни тростника, ни водорослей...» — *фр.*)³; у Сент-Анжа: «*Un canal immobile, aussi pur que les cieux. / Là, ni les joncs aigus, ni le glayeul profane, / Ne verdissent des eaux le cristal diaphane*» («Недвижная протока, чистая, как небо. / Там ни острый ситник, ни дикий гладиолус / Не замутняют зеленью хрустальную прозрачность вод» — *фр.*)⁴).

---

¹ *La Vrai religion chrétienne, contenant la théologie universelle de la nouvelle église / Par Emmanuel Swedenborg ... traduite de latin ... par J. P. Moët. Bruxelles, 1819. P. 501; оригинальный текст см.: Vera Christiana religio, continens universam theologiam Novæ Ecclesiæ... ab Emanuele Swedenborg. Amstelodami, 1771. P. 243.*

² О влиянии текста «Метаморфоз» на труды Сведенборга см., например: *Dunér D. The Natural philosophy of Emanuel Swedenborg: A Study in the Conceptual Metaphors of the Mechanistic World-View. Springer Netherlands, 2013. P. 132–133.*

³ *Œuvres complètes d'Ovide; traduites en français ... par Le Franc de Pompignan. Paris, An VII [1799]. T. 1. P. 232.* Книга имела в библиотеке поэта — см.: Библиотека А. С. Пушкина: (Библиогр. описание) / Б. Л. Модзалевский. СПб., 1910 (Отд. отт. из изд. «Пушкин и его современники». Вып. 9–10). Репринт. изд. М., 1988. № 1232; страницы 1-го тома разрезаны.

⁴ *Le Métamorphoses d'Ovide, traduites en vers, avec des remarques. Par M. Desaintange. Paris, 1818. T. 2. P. 35.*

Впрочем, связь тростника и болота опосредствованно маркируется в других текстах Овидия и их французских переводах, имевшихся в распоряжении Пушкина. Таковы, например, описание Ариадны, увидевшей Вакха, в поэме «Наука любви»: «Horrui, ut graciles, agitat quas ventus, aristae, / Ut levis in madida canna palude tremit» (Ars Amat., I, 553–554; ср. в переводе Ж.-Ж. Леффрана де Помпийяна: «Elle frissonne, elle tremble; tel l'épi stérile, agité par le vent, tel le roseau léger dans les marais humides» («Она дрожит, она трепещет, подобно пустому колосу, колеблемому ветром, подобно легкому тростнику во влажных болотах» — *фр.*)¹) и одно из наставлений в поэме «Лекарство от любви» (Rem. Am. 141–143): «Quam platanus vino gaudet, quam populus unda, / Et quam limosa canna palustris humo, / Tam Venus otia amat...» («Как платан радуется виноградной лозе, как тополь — влаге, и как болотный тростник — илистой почве, так Венера любит праздность...» — *лат.*). Последний фрагмент Помпийян интерпретирует вольно: словосочетание «болотный тростник» в переводе пропадает, и вместо него появляется «смиранный тростник» — «l'humble roseau»².

Тростник ассоциируется с болотом и в трактовках современниками басни Лафонтена «Дуб и тростник» («Le chêne et le roseau»), входящей в число несомненных претекстов пушкинского «Аквилона»³. Как правило, во французских переложениях бродячего басенного сюжета XVIII — начала XIX в. не упоминалось, где располагаются персонажи; значение имели лишь их сюжетные характеристики: в случае тростника — слабость, неустойчивость и покорность ветрам⁴. Лафонтен отступает от традиции: дуб у него не упрекает тростник и не насмехается над его слабостью, но высоко сожалеет о печальной участи собеседника, сетуя, что не может

¹ Œuvres complètes d'Ovide, traduites en français <...> par Le Franc de Pompignan. T. 4. P. 210–211; в имеющемся у Пушкина собрании (см. выше) указанные страницы разрезаны.

² «Le plane aime un terrain vignoble, le peuplier se plaît sur les bords d'une rivière, et l'humble roseau dans les terres marécageuses; ainsi Vénus aime l'oisiveté» («Платан любит земли, покрытые виноградником, тополи нравятся расти на речных берегах, а смиренному тростнику — в болотистой почве; так Венера любит праздность» — *фр.*) (Œuvres complètes d'Ovide, traduites en français <...> par Le Franc de Pompignan. T. 4. P. 315).

³ Впервые об этом см.: Томашевский Б. В. Пушкин и Лафонтен // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. М.; Л., 1937. [Вып.] 3. С. 245.

⁴ См., например: Les Fables d'Esopé Phrygien, traduites au François et accompagnées de maximes morales et politiques, pour la conduite de la vie. Paris, 1645. P. 140–141; Les Fables d'Esopé et de plusieurs autres excellens mythologistes, accompagnées du sens moral et des réflexions de M. le chevalier Lestrange. Amsterdam, 1714. P. 74–75; Fables d'Esopé, avec celles de Philelphe, nouvelle édition, enrichie de figures en taille-douce, de discours moraux et historiques et de quatrains à la fin de chaque discours. Paris, 1763. P. 234–235; Esopé, grec et latin, traduit en français par J.-B. Gail. Paris, 1796. P. 319.

предложить ему защиту, поскольку волею природы они обитают в разных местах:

Mais vous naissez le plus souvent
Sur les humides bords des royaumes du vent.
La nature envers vous me semble bien injuste.

(Но вы рождаетесь чаще всего
На влажных берегах царств ветра.
Мне кажется, природа к вам слишком несправедлива. — *фр.*)¹

В одном из прозаических переложений басенного сюжета, по-видимому ориентированном на версию Лафонтена, на месте пейзажной перифразы оказывается болото: «...tu me fais pitié, lorsque je te vois sur les bords d'un marais, où l'on ne te découvre qu'à peine, baisser la tête devant les plus foibles zéphirs...» («...мне жаль тебя, когда я вижу, как на краю болота, где тебя едва видно, ты склоняешь голову перед самыми слабыми зефирами» — *фр.*)². Так же интерпретирует текст Лафонтена и Ж.-А. Бернарден де Сен-Пьер (Bernardin de Saint-Pierre, 1737–1814) в «Гармонии природы» («*Harmonies de la nature*», опублик. впервые 1815), восхищаясь умением баснописца сообщить поэтическую «высоту» обычному ландшафту: «Il appelle les marais, humides bords des royaumes du vent...» («Он именует болото влажными берегами царств ветра...» — *фр.*)³. Не исключено, кстати, что Помпиньян, который, как упоминалось выше, в переводе «Лекарства от любви» превратил «болотный» тростник в «смирренный», намеренно или неосознанно воспроизвел один из эпитетов, устойчиво сочетающихся с дихотомией «дерева» и «трости»⁴.

¹ Fables de La Fontaine, avec un nouveau commentaire littéraire et grammatical, dédié au Roi par Ch. Nodier. Paris, 1818. Т. 1. P. 43.

² Les Fables d'Ésope, mises en français, avec le sens moral en quatre vers [les quatrains de Benserade], et une figure à chaque Fable... Lons-le-Saunier, 1709. P. 161. Книга выдержала более десятка переизданий, выходивших регулярно на протяжении XVIII — первой трети XIX в. См. также сходный пассаж в более позднем собрании У. Фентона: «...si vous naissiez près de moi, vous seriez à l'abri des vents, et je vous protégerais contre l'orage. Mais, vous croissez le plus souvent le long des marais, où le vent a le plus de violence» («...если бы вы родились вблизи меня, вы были бы защищены от ветров. Но вы чаще растете вдоль болот, где ветер яростнее всего» — *фр.*) (A Choice selection of fables, in French, with a literal interlineary translation, also, a free translation, to all the obscure passages and idioms, with notes on the construction of the language, by W. Fenton. London, 1832. P. 29).

³ Œuvres complètes de Jacques-Henri-Bernardin de Saint-Pierre, mises en ordre et précédées de la vie de l'auteur, par L. Aimé-Martin. Paris, 1818. Т. 8. P. 259.

⁴ См., например: «Le Chêne ambitieux malgré sa fermeté / Tient peu contre Eole irrité, / L'humble roseau craint moins l'orage» («Высокомерный дуб вопреки своей прочности / Плохо сопротивляется разъяренному Эолу, / Смирренный тростник мень-

В этом контексте «болото» иногда нагружалось специфическими сюжетными коннотациями. Так, в стихотворении Брюле де Монпленшана (*Bruslé de Montpleinchamp*, 1641–1724) дуб, насмехаясь над тростником, попрекает его в буквальном смысле «низким» происхождением:

Excrément d'un marais bourbeux,
Que le moindre soufle balote,
Girouette rampante au pié rempli de crote...

(Отброс из мутного болота,
Который малейшее дуновение раскачивает,
Стелющийся по ветру в грязи под ногами... — *фр.*)¹

В стихотворении Ж.-Ф. Лагарпа (*Laharpe*, *La Harpe*, 1739–1803) «Советы юному поэту» («*Conseils à un jeune poète*») дуб на высоком берегу и тростник в болотной низине, противопоставленные друг другу, служат метафорической репрезентацией благородных писателей, образцов хорошего вкуса, с одной стороны, и завистливых сочинителей злобных пасквилей — с другой: «*Ainsi tandis qu'un chêne, honneur d'un beau rivage, / Rassemble les pasteurs sous son auguste ombrage, / Sur le bord d'un marais, dans le creux d'un vallon, / Sifflent de vils roseaux battus par l'aquilon*» («Между тем как дуб, гордость прекрасного побережья, / Собирает пастырей в своей величественной тени, / На краю болота, в глубине лощины, / Свистит ничтожный тростник, колеблемый аквилоном» — *фр.*)². Заметим, что в «Аквилоне» тростник и дуб также характеризуются причастностью к «низменному» или «возвышенному» пространствам: тростник растет в болоте, а дуб — «над высотой» (II, 365). Существенно, однако, что у Пушкина эти локусы не представлены в качестве семантической дихотомии и, взятые вместе, не образуют самостоятельного сюжетного мотива.

Имеется, однако, еще один контекст, который в данном случае заслуживает внимания. Речь идет о французских естественнонаучных сочине-

---

ше опасается бури» — *фр.*) (*Traité du vrai mérite de l'homme considéré dans tous les âges et dans toutes les conditions, avec des principes d'éducation propres à former les jeunes gens à la vertu*, par M. Le Maître de Claville. Amsterdam, 1742. Т. 2. Р. 82); «*Pour toi l'humble roseau devient égal au chêne altier*» («Для тебя смиренный тростник оказывается равен гордому дубу» — *фр.*) (*Shakespeare W. Cymbeline // Shakespeare traduit de l'anglois, dédié au Roi*. Par M. Le Tourneur. Paris, 1778. Т. 4. Р. 153). Перечень примеров легко поддается расширению.

¹ [*Bruslé de Montpleinchamp J.-C.*] *Esopine. Heureux qui vit dans une mediocre Fortune! // Le Festin nuptial dressé dans l'Arabie heureuse au mariage d'Ésope, de Phèdre et de Pilpai avec trois fées...* par M. de Palaidor. Bruxelles, 1700. P. 265.

² *Œuvres de LaHarpe*. Paris, 1820. Т. 3. P. 251.

ниях и справочниках XVIII — первой трети XIX в.¹ Описания и классификации растений в интересующий нас период опирались на систему Карла Линнея². Описывая тростниковые растения, Линней выделяет среди них вид «*arundo phragmites*», приводя в соответствующей статье длинный перечень более ранних наименований этого вида в различных источниках; в список, среди прочего, входят названия «*arundo vulgaris*» («тростник простой») и «*arundo palustris*» («тростник болотный»)³. Оба они учитываются как основные в ориентированном на Линнея исправленном и дополненном издании авторитетного труда Жозефа Питтона де Турнефора (Tournefort, 1656–1708) «Элементы ботаники, или Методы для знакомства с растениями»⁴. В большинстве справочников описываемого периода рядом с упомянутыми латинскими наименованиями приводятся и французские названия, наиболее частотный из которых — «*goseau de marais*» («тростник болотный»)⁵. Это словосочетание фиксировалось иностран-

---

¹ Пользуюсь случаем поблагодарить Н. Г. Охотина за указание этого источника как важного для моего сюжета, а также за ряд ценных замечаний, высказанных в процессе обсуждения рассматриваемой мной темы.

² О формировании французской и русской ботанической терминологии, а также о систематизированных исследованиях и описаниях флоры в Европе и в России в конце XVIII — начале XIX в. см., например: *de Wit H. C. D. Histoire de developpement de la biologie*. Lausanne, 1994. Vol. 3. P. 66–112; *Щербакова А. А. История ботаники в России до 60-х гг. XIX в.: (Додарвиновский период)*. Новосибирск, 1979. С. 62–150 (Гл. 3).

³ Caroli a Linné Species plantarum, exhibentes plantas rite cognitatas, ad genera relatas, cum differentiis specificis, nominibus trivialibus, synonymis selectis, locis natalibus... secundum systema sexuale digestas. Berolini, 1797. T. 1. P. 454–455. В русских ботанических изданиях конца XVIII — начала XIX в. «*arundo*» переводится как «тростник», см.: *Словарь ботанический, содержащий наименования растений и их частей...* [СПб., 1795.] С. 106; *Мейер А. Ботанический подробный словарь, или Травник*. М., 1781. Ч. 1. Стб. 285–286; *Двигубский И. А. Начальные основания естественной истории растений, заключающие терминологию растений, лучшие системы, физиологию и патологию, историю, описание растений употребительнейших*. М., 1811. С. 356.

⁴ «Le roseau vulgaire, ou φραγματις... (*Arundo vulgaris, palustris...* *Arundo palustris, canna sepiaria...*)» (*Elémens de botanique, ou Méthode pour connoitre les plantes, par Pitton de Tournefort*. Lyon, 1797. T. 3. P. 192).

⁵ См., например: *Dictionnaire raisonné universel d'histoire naturelle...* par M. Vilmont de Bomare. Lausanne, 1776. T. 7. P. 599; *Histoire des plantes de Dauphiné...* par M. Villars. Grenoble; Lyon; Paris, 1786. T. 1. P. 314; *Manuel floreal des plantes, ou, Traité de toutes les plantes qui peuvent servir d'ornement dans les jardins, les orangeries, les serres chaudes...* Par J. P. Buchoz. Paris, 1800. P. 32 (автор этого руководства считает должным специально упомянуть, что «le plus léger vent met cette plante dans une agitation agréable <даже самый легкий ветерок заставляет это растение изящно колебаться — *фр.*>»); *Dictionnaire des Sciences médicales, par une société de medecins et de chirurgiens*. Paris, 1821. P. 155.

ными естественнонаучными справочниками¹ и двуязычными словарями². Оно встречалось и в литературе, где фигурировало как обычное название растения, не имеющее специфических коннотаций: так, в одном из эпизодов знаменитой пародийной ориентальной сказки А. Гамильтона (d'Hamilton, 1646–1720) «Четыре факардина» («Les Quatre Facardins», 1730) повествуется о нападающем на экспедицию ужасном крокодиле, который скрывается в «болотных тростниках» («les roseau du marais») на топком берегу реки³.

Интереснее, однако, другое: во французском словоупотреблении пушкинского времени словосочетание «roseau de marais», по-видимому, было устойчивым. Особенно заметно это в переводных текстах. Если в прозаическом переложении баллады «Молодой Тэмлейн» («Young Tamlane») из собрания Вальтера Скотта «Песни шотландской границы» («Minstrelsy of the Scottish Border», 1802–1803) словосочетание «roseau de marais» представляет собой французский аналог оригинального «bog-reed»⁴, то, скажем, в прозаическом переводе поэмы «Христиада» («Christias», опубл. 1535, оконч. ред. 1550) М. Дж. Вида (Vida, ок. 1490–1566) оно заменяет уже совсем другое словосочетание — «речной тростник» («Fluvialis arundo») (V, 377)⁵ (см. в переводе: «Des épines aiguës, arrondies autour de sa blonde chevelure, remplacent <...> la couronne des monarques: un roseau des marais tient lieu d'un sceptre étincelant» — «Венец из острых терновых шипов на его светлых волосах вместо <...> царской короны; болотный тростник вместо сверкающего скипетра» — *фр.*)⁶. Показательный пример — ранний вариант перевода П. Летурнером (Letourneur, 1796–1877) трагедии Шекспира «Кориолан» («Coriolanus», 1607). В 3-й сцене 1-го акта Кай Марций, обращаясь к восставшей черни, обвиняет ее в неверности: «...He that depends / Upon your favours, swims with fins of lead / And hews down oaks with rushes» («Тот, кто рассчитывает / На вашу благосклонность, пускается вплавь со свинцовыми плавниками / И рубит дуб тростинкой»⁷). В парижском издании 20-томника 1776–1782 гг. в этом фрагменте «rushes»

¹ См., например: Bayerische Pharmacopoe, auf königlichen Befehl herausgegeben; Aus dem Lateinischen übersetzt. München, 1823. P. 51.

² См., например: Dictionnaire portatif piémontais-français suivi d'un vocabulaire français des termes utilisé dans les Arts et Métiers... Par Louis Capello, Comte de Sanfranco. Turin, 1814. P. 88–89.

³ Œuvres du comte Antoine Hamilton. Paris, 1818. P. 422.

⁴ Chants populaires de frontières médionales de l'Écosse, recueillis et commentés par Sir Walter Scott, traduits de l'amglais par M. Artaud. Paris, 1826. № 3. P. 208.

⁵ Оригинальный текст поэмы см. на сайте: <http://www.poetiditalia.it> (доступ осуществлен: 20.03.2017).

⁶ La Christiade, poème épique de M. J. Vida, évêque d'Albe. Première traduction française <...> par S. de Latour. Paris, 1826. P. 363.

⁷ The Works of Shakespeare. Edinburgh, 1767. T. 8. 162.

(«тростник») превращается в «тростник болотный»: «...c'est vouloir trancher le chêne antique avec de roseau des marais» («...это все равно что пожелать рассечь древний дуб болотным тростником» — *фр.*)¹. В позднейшем парижском издании 1821 г. семантически избыточное определение убрано. Можно думать, таким образом, что в двух последних примерах переводчики использовали словосочетание «roseau de marais» как речевое клише — устойчивое и привычное для них наименование «тростника вообще».

Существенно, что в русском языке пушкинского времени подобный феномен не наблюдается, — во всяком случае, свидетельств этому обнаружить не удалось. Словосочетание «тростник болотный» не тяготело здесь к коллокации. Не входило оно и в ботанический тезаурус в качестве устойчивого наименования. В естественнонаучных справочниках названию «arundo phragmites» (*фр.* «roseau de marais») соответствует «тростник простой», который «живет по болотам и по берегам рек везде»², «т<ростник> водяной», растущий «по озерам и рекам»³, «тростник, трость, камыш, мятлинка, осот или очерет по-украински», который «растет в болотах, в прудах, в озерах и других стоячих водах»⁴. «Болотный тростник» не упомянут и в известном «Ботаническом словаре» Н. И. Анненкова, представляющем собой наиболее полный комpendиум народных названий растений, известных к середине XIX в.⁵ Единственное исключение, которое удалось обнаружить, — «Новый ботанический словарь» Н. М. Максимовича-Амбодика, где латинскому «arundo phragmites vulgaris» соответствуют «тростник, трость ломкая, болотная»⁶; с достаточной степенью уверенности можно полагать, однако, что в этом случае мы имеем дело с калькой, причем скорее с латинского языка, нежели с французского: название «arundo palustris» устойчиво фигурирует в многоязычных естественнонаучных словарях.

Приведенные выше литературные примеры очерчивают спектр контекстов, существование которых как будто подтверждает поэтический статус «тростника болотного», закрепленный традицией. Вместе с тем

¹ Shakespeare traduit de l'anglais, par M. Le Tourneur. Paris, 1778. Т. 3. Р. 15.

² *Соболевский Г. Ф.* Санктпетербургская Флора, или Описание находящихся в Санктпетербургской губернии природных растений. СПб., 1801. Ч. 1. С. 116–117.

³ *Двигубский И. А.* Московская флора, или Описание растений дикорастущих в московской губернии. М., 1828. С. 74.

⁴ *Мейер А.* Ботанический подробный словарь, или Травник. Ч. 1. Стб. 285.

⁵ См.: *Анненков Н. И.* Ботанический словарь, или Собрание названий как русских, так и многих иностранных растений на языках латинском, русском, немецком, французском и других, употребляемых различными племенами, обитающими в России. М., 1859. С. 19.

⁶ *Максимович-Амбодик Н. М.* Новый ботанический словарь на российском, латинском и немецком языках. СПб., 1808. С. 102.

очевидно, что и переводы Помпиньяна из Овидия, и интерпретации современниками перифразы из басни Лафонтена, и упомянутые прозаические переложения или стихотворные вариации его сюжета или, шире, отсылки к расхожей притчевой дихотомии как таковой фиксируют всего лишь ассоциативную связь элементов интересующего нас словосочетания. Но тогда, возможно, эти контексты попросту избыточны? Может быть, мы все-таки имеем дело с обычной реалией, подсказанной поэту повседневным опытом? В конце концов, тростник действительно часто растет на болоте, и для того, чтобы это заметить, не обязательно апеллировать к авторитету Овидия или Лафонтена.

При внимательном рассмотрении, однако, выясняется, что дела обстоят несколько сложнее, а литература и реальность в описываемом случае отнюдь не исключают друг друга.

В сюжетном и образном отношении «Аквилон» прочно встроен в одическую традицию, в рамках которой ландшафтные образы имеют принципиально аллегорическую природу¹. Таков намеченный в 4-й строфе идеальный пейзаж, где «солнца ясный лик» (прозрачная аллегория, означающая явление монарха) и описание зефира, играющего облачком и зыблющего тростник, сочетаются с мотивами радости, сияния и тишины (II, 365). Тростник и облачко, однако, наделяются в стихотворении не только одическими, но и лирическими коннотациями, смягчающими пафос «высокого» жанра². В синтетических опытах подобного рода аллегории зачастую тяготеют к конкретизации. В частности, М. В. Ломоносов в панегирической идиллии «Полидор» (1750) изображает пасторальный пейзаж, объединяющий элементы *locus amoenus* и украинского ландшафта³. Другой пример — известное Пушкину послание В. А. Жуковского «Государыне Императрице Марии Федоровне» («От вашего величества давно...», 1819), где традиционным одическим образам также сообщаются интимные коннотации, а *locus amoenus* приобретает черты реального павловского ландшафта; эта картина включает в себя описание легкого ветра, играющего в небе облачка и тихо колышущегося тростника⁴. У Пуш-

¹ См.: *Лумпянский Л. В.* К истории русского классицизма // Классическая традиция: Собрание трудов по истории русской литературы. М., 2000. С. 58–59.

² Подробнее см.: *Кардаш Е. В.* Стихотворение Пушкина «Аквилон»: К вопросу об историко-литературном контексте. С. 199–201.

³ «И тихой Днепр в себе изображает ивы, / Что густо по крутым краям его растут. / Играют зефиры кудрявых древ листьями / И нежат теплыми душистой цвет крилами...» (*Ломоносов М. В.* Полн. собр. соч. М.; Л., 1959. Т. 8. С. 277). См. об этом: *Клейн И.* Пути культурного импорта: Труды по русской литературе XVIII века. М., 2005. С. 168–169; о жанре русской панегирической идиллии подробнее см.: Там же. С. 154–189.

⁴ См.: *Жуковский В. А.* Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. М., 2000. Т. 2. С. 161. Любопытно, что у Жуковского в этой картине тростник как раз оказывается «прибрежным» (см.: «Прибрежный бархат тростника / На солнце ярко отливает...»).

кина, прибегающего к подобному же приему, одним из маркеров конкретизации становится именно «тростник болотный», подчеркнуто контрастирующий в стилистическом отношении с соположенным ему церковнославянизмом «долу»¹.

Подобный образ должен быть, с одной стороны, устойчив и узнаваем, а с другой — должен тяготеть к свободе от аллегорической нагруженности и быть способным выполнять прямую номинативную функцию. Оба эти свойства сочетаются во французской коллокативной конструкции «groseau de marais». Можно предположить тем самым, что «тростник болотный» в «Аквилоне» — это калька, использование которой обусловлено не конкретным заимствованием, а инерцией лексической сочетаемости, закрепленной французской литературной и речевой традицией. Для Пушкина, взаимодействующего с ней легко и органично, выбор конструкции мог оказаться неосознанным — однако вовсе не случайным и не произвольным. По понятным причинам, однако, этот выбор совершенно не очевиден русским читателям, издателям и даже комментаторам XX–XXI столетий.

В качестве постскриптума замечу, что любопытной представляется гипотеза, согласно которой в пушкинском «тростнике болотном» французская калька ассоциативно соединилась с соответствующими словосочетаниями из текстов Боброва и Бенитцкого с их библейскими аллюзиями и связью с «высокой» жанровой традицией. К сожалению, доказать это невозможно. Кроме того, французская языковая и литературная реальность во многом была для Пушкина актуальнее. Недаром он, оправдываясь перед П. А. Вяземским в письме от 1–8 декабря 1823 г. за стих в «Бахчисарайском фонтане», «украденный» из «Херсониды», и расхваливая «грубость и простоту» языка Боброва, «приставшую» русской поэзии больше «европейского жеманства и французской утонченности», добавлял: «Проповедую из внутреннего убеждения, но по привычке пишу иначе» (XIII, 80).

© Кардаш Е. В., 2017

---

¹ О стилистическом несоответствии см.: *Виноградов В. В.* Язык Пушкина: Пушкин и история русского литературного языка. М.; Л., 1935. С. 170.

Пушкин и другие (двадцать лет спустя)

Сборник статей к 80-летию
Сергея Александровича Фомичева

П А Л Ь М И Р А

Санкт-Петербург

2 0 1 7

УДК 82.0
ББК 83.3(2Рос-Рус)
П91

Институт русской литературы (Пушкинский Дом)
Российской Академии наук

Составители С. В. Денисенко и Н. Л. Дмитриева
Научные редакторы М. Н. Виролайнен и С. Б. Федотова

Вic: DSB
Bisac: LIT004240

Pushkin and the Others (Twenty Years After): Collection of articles dedicated to the eightieth anniversary of Sergey Aleksandrovich Fomichev

Collection of articles dedicated to the eightieth anniversary of Sergey Aleksandrovich Fomichev contains articles of Fomichev's successors including his former postgraduates, members of the Pushkinsky Seminar he held with V. E. Vatsuro, Pushkin Studies Department staff educated and developed under the guidance of Mr. Fomichev and just junior associates constantly consulted with him.

П91 **Пушкин** и другие (двадцать лет спустя): сборник статей к 80-летию Сергея Александровича Фомичева / сост. С. Денисенко, Н. Дмитриева. — СПб. : ООО «Издательство «Пальмира» ; М. : ООО «Книга по Требованию», 2017. — 471 с. — (Серия «Lyceum»).

ISBN 978-5-521-00671-7

В сборник статей, посвященный 80-летию Сергея Александровича Фомичева, вошли статьи его коллег и исследователей, считающих себя учениками Сергея Александровича. Среди них его бывшие аспиранты, участники Пушкинского семинара, который он вел несколько лет вместе с В. Э. Вацуру, сотрудники Отдела пушкиноведения, выросшие и сформировавшиеся под его руководством, просто младшие коллеги, постоянно пользовавшиеся его советами и консультациями.

УДК 82.0
ББК 83.3(2Рос-Рус)

© Денисенко С. В., Дмитриева Н. М.,
составление, 2017

© Оформление.
ООО «Издательство «Пальмира»,
АО «Т8 Издательские Технологии», 2017

ISBN 978-5-521-00671-7